

БЕСКОНЕЧНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

БЕРНАРДА
ВЕРБЕРА

БЕРНС ВЕРБЕР

революция муравьев

Москва
2021

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
В31

Bernard Werber

LA REVOLUTION DES FOURMIS

Copyright © Editions Albin Michel et Bernard Werber, — Paris 1998

Перевод с французского *Игоря Алчеева*

Дизайн обложки и иллюстрация *Виктории Лебедевой*

Вербер, Бернар.

В31 Революция муравьев / Бернар Вербер ; [перевод с французского И. Алчеева]. — Москва : Эксмо, 2021. — 640 с.

ISBN 978-5-04-118092-8

Жюли Пинсон, девятнадцатилетняя лицеистка, которая уже третий год не может сдать выпускной экзамен, находит в лесу в пещере третий том «Энциклопедии относительного и абсолютного знания» Эдмонда Уэллса. Из него она узнает о том, как сложен и необычен мир муравьев, как многому можно у них научиться. Тем временем особь номер 103 из Бел-о-Кана, муравьиного города, пытается понять людей. Что же произойдет, когда две цивилизации наконец услышат друг друга?

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

© Алчеев И., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-118092-8

Посвящается Джонатану

$$\begin{array}{r} 1 + 1 \\ = 3 \end{array}$$

(по крайней мере, надеюсь всем сердцем)

*Энциклопедия Относительного
и Абсолютного Знания
Эдмонд Уэллс*

**Первая партия:
ЧЕРВИ**

1. КОНЕЦ

Рука раскрыла книгу.

Глаза бегут слева направо, доходят до конца строки, опускаются ниже.

И округляются.

Мало-помалу из воспринятых разумом слов складывается картина — огромная-преогромная.

В глубине черепной коробки вспыхивает широкий встроенный панорамный экран. Действие начинается.

Картина первая...

2. ПРОГУЛКА ПО ЛЕСУ

...Бескрайняя вселенная, темно-синяя, холодная.

На конце рукава одной из ее галактик сверкает древнее солнце.

Картина смещается чуть вперед.

По орбите вокруг солнца вращается маленькая теплая планета, опушенная перламутровыми облаками.

Под облаками — сиреневые океаны, омывающие желтые материки.

На материках — горные кряжи, равнины и стелющиеся волнами бирюзовые леса.

Под лесным пологом — тысячи видов животных. И среди них два необычайно развитых вида.

Шаги...

Кто-то брел по весеннему лесу.

Юная дочь человеческая. С длинными гладкими черными волосами. В черной куртке поверх длинной черной же юбки. В светло-серых глазах девушки отражались замысловатые, почти выпуклые узоры.

Тем ранним мартовским утром она ступала бодрым шагом. Грудь ее от усилий неровно вздымалась.

На лбу и под верхней губой у нее искрились капельки пота. Когда влага стекала с ее губы и попадала в рот, она тут же слизывала ее.

Сероглазую девушку звали Жюли. Она шла по лесу вместе со своим отцом, Гастоном, а рядом трусил их пес Ахилл — и вдруг она остановилась. Прямо перед нею выросла похожая на громадный палец песчаниковая скала, нависавшая над глубоким оврагом.

Девушка двинулась к выступу скалы.

В ложбине, прямо под ним, она как будто разглядела тропинку, лежавшую в стороне от проторенных троп.

Девушка сложила ладони рупором:

— Ау, папа! Кажется, я нашла новую дорогу. Давай за мной!

3. ДАЛЕЕ...

Он бежит вперед. Вниз по склону. Петляет, огибая торчащие тут и там тополиные почки, похожие на громадные огненно-красные веретена.

Шуршание. Бабочки расправляют пестрые крылья и, размахивая ими в воздухе, гоняются друг за дружкой.

Вдруг его взгляд привлекает дивный листок. До того восхитительный, что, глядя на него, можно забыть обо всем на свете. Он останавливается, подползает ближе.

Какой чудный листок! Довольно обгрызть его квадратиком, немного растереть, послушавить — он начнет сбрасываться и скатается в беленький шарик, кишачий сладко-душистыми грибницами. Острыми краями верхних челюстей старый рыжий муравей срезает под корень стебель листка и расправляет его над собой, точно широченный парус.

Вот только неведомы букашке законы плавания под парусом. Едва листок расправляется, как его мигмом подхватывает ветер. Но старый рыжий муравей легок, точно пушинка, — ему не удержать махину, как бы ни напрягал он свои усохшие мышцы. Он теряет равновесие, опрокидывается. И всеми своими когтистыми лапками цепляется за ветку —

но ветер слишком крепок. Он подхватывает и уносит муравья прочь.

Муравей только успевает ослабить хватку, чтобы не взмыть слишком высоко.

А листок, медленно кружа в воздухе, опускается все ниже.

Старый муравей следит за его кружением и думает, что все не так уж страшно. Ведь кругом полно листьев поменьше.

Между тем листок все кружит и кружит. Проходит время, прежде чем он мягко ложится на землю.

Улитка примечает чудесный тополиный листок. Вот тебе и добрый полдник!

Ящерица видит улитку и уже готовится проглотить ее — и вдруг тоже замечает листок. Торопиться не стоит, пусть улитка слопает его и станет поупитаннее. Ящерица издалека поглядывает на трапезу улитки.

Ласка видит ящерицу и уже готовится сожрать ее, но тут замечает, что та, кажется, ждет, когда улитка доест листок, — и тоже решает подождать. Так под сенью тополиных крон три существа, олицетворяющих звенья экологической цепочки, следят друг за дружкой.

Вдруг улитка видит, как к ней ползет другая улитка. Неужели хочет украсть ее сокровище? Недолго думая, первая улитка жадно набрасывается на аппетитный листок и пожирает его, не оставляя ни единой прожилки.

Не успевает она насытиться, как на нее набрасывается ящерица и заглатывает ее на манер макаронины. Настает черед ласки — она тоже срывается с места, нацелившись на ящерицу. Ласка несется вприпрыжку, перемахивает через корни — и тут натывается на что-то мягкое...

4. НОВАЯ ДОРОГА

Сероглазая девушка не заметила внезапно возникшую перед нею ласку. Выскочив из зарослей, зверек кинулся ей прямо под ноги.

Девушка подскочила от удара, и одна ее нога соскользнула с песчаного откоса. Девушка потеряла равновесие — и увидела разверзшуюся перед нею пропасть. Только бы не упасть! Главное — удержаться!

Девушка замахала руками, словно цепляясь за воздух. Но тщетно. Время как будто остановилось.

Упадет? Удержится?

Сперва ей показалось, что она справится, но легкий ветерок внезапно превратил ее длинные черные волосы в трепещущий парус.

Все обернулось против нее. Ветер подтолкнул ее. Нога соскользнула ниже. Земля ушла из-под нее. Светло-серые глаза округлились. Зрачки расширились. Ресницы захлопали.

Подхваченная ветром, девушка рухнула в овраг. Пока она падала, волосы обвили ей лицо, будто защищая его.

Она пыталась ухватиться за редкие растения, лепившиеся к склону оврага, но те выскальзывали из пальцев, оставляя в них только цветы и последние надежды. Она скатывалась по гравию.

Склон был довольно крутой — остановить падение было невозможно. Обжегшись о густую крапиву, оцарапавшись о колючие кусты ежевики, она скатилась в заросли папоротника и подумала, что дальше падать некуда. Но, увы, широкие листья папоротника скрывали еще один овраг, покруче. Она оцарапала руки о здоровенный камень. Опять заросли папоротника, такие же коварные. Она прокатилась сквозь них еще ниже. В общей сложности она пробила семь стен растений, оцарапавшись о кусты дикой малины и взметнув в воздух тучи звездочек одуванчикового пуха.

Она так и катилась, скользя, все дальше вниз.

Она ударилась ногой о здоровенный острый камень — пятку пронзила острая боль. Падение закончилось для нее в грязной, желтовато-коричневой луже, принявшей ее, точно спасительная вязкая гавань.

Она села, потом поднялась и, срывая пучки травы, принялась утираться. Она была желто-коричневая с головы до ног. Одежда, лицо, волосы — все было в липкой грязи. Горькая на вкус грязь забила даже в рот.

Сероглазая девушка растирала разбитую пятку. Не успела она прийти в себя, как вдруг почувствовала, что по ее руке скользнуло что-то холодное и липкое. Она вздрогнула. Змея. И не одна! Она угодила прямоком в змеиное гнездо, и вокруг всюду копошились змеи.

Она закричала от ужаса.

Змеи хоть и глухи, зато языком они ощущают малейшие колебания воздуха. Крик громыхнул для них, точно взрыв. Испугавшись в свою очередь, они стали расползаться в разные стороны. Ошалевшие змеи-самки сворачивались в дрожащие клубки, прикрывая своих змеенышей.

Девушка провела рукой по лицу, отбросила назад прядь волос, застилавшую глаза, сплюнула грязь и, собравшись с силами, стала взбираться вверх по склону. Склон был очень крутой, а пятка болела нещадно. Девушка решила взять себя в руки и окликнуть отца.

— На помощь! Папа, помоги! Я здесь, внизу. Скорей сюда! На помощь!

Девушка еще долго кричала, надрываясь. Но все без толку. Одна-одинешенька, с разбитой ногой, она сидела на дне глубокого оврага, а отец все не откликался. Может, заплутал? Тогда кто же отыщет ее в лесной глуши, под непролазной гущей папоротников?

Сероглазая девушка сделала глубокий вдох, силясь унять бешено колотящееся сердце. Как же выбраться из этой ловушки?

Она утерла запачканный грязью лоб и осмотрелась кругом. Справа, в высокой траве, покрывавшей склон оврага, она разглядела темный проем. И с трудом направилась туда. За стеной чертополоха и цикория скрывался лаз, вырытый прямо в земле. Она задумалась: какой же зверь выкопал такую огромную нору? Для зайца она была слишком велика, для лисы или барсука тоже. Медведи в здешнем лесу не водились. Может, это волчье логово?

Тем не менее внутри было достаточно просторно, и, несмотря на низкий потолок, туда мог более или менее свободно пролезть человек среднего роста. Девушка боялась забираться в лаз, хотя надеялась, что он ее куда-нибудь да выведет. Она все же опустила на четвереньки и полезла в этот вырытый в глине проход.

Продвигалась она ощупью. И чем глубже забиралась внутрь, тем темнее и холоднее становилось кругом. Из-под ладони у нее выскочило что-то колючее. Прямо перед ней возник еж — от страха он сжался в комок, а потом засеменил в обратную сторону. Дальше девушка пробиралась в крошечной тьме, прислушиваясь к шорохам вокруг.

Она продиралась все глубже, опустив голову и опираясь на локти и колени. В детстве она долго училась стоять и ходить. Большинство малышей начинают топтать ножками в возрасте одного года, а она пошла, когда ей было уже полтора. Вертикальная стойка казалась ей ненадежной. Куда безопаснее было стоять или ползать на четвереньках. К тому же так можно было ближе разглядеть все, что происходило на полу, а если случалось упасть, то не с такой уж большой высоты. Она с радостью проползала бы вот так всю жизнь, если бы мать с няньками не заставляли ее вставать на ноги.

Подземному туннелю не было конца... Чтобы как-то себя ободрить, она принялась напевать незамысловатую песенку:

*Зеленая мышка
Бежала по травке,
Хватайте же скорей ее за хвост,
Вот так, смотрите, господа!
И скажут вам они тогда:
Макните мышку в масло,
Макните в воду ее.
Ни дать ни взять улитка вышла из нее!*

Раза три или четыре промурлыкала она эту песенку, все громче и громче. Ее учитель пения по фамилии Янкелевич говорил, что нужно кутаться в вибрации своего голоса, как в защитный кокон. Но здесь и правда было очень холодно — особенно не распоешься. Вскоре с ее холодных губ срывались уже не мелодичные звуки, а клубы пара, сопровождавшиеся сиплым дыханием.

Подобно настырной девчонке, вознамерившейся довести до конца свою глупую затею, она и не думала поворачивать обратно. Жюли упорно ползла все дальше под кожным покровом планеты.

Вскоре ей показалось, что вдалеке мелькнул слабый свет.

Она решила, что ей просто почудилось — от усталости, но вот дальний проблеск рассыпался на мириады крохотных мерцающих желтых блесков.

Сероглазой девушке на мгновение показалось, что здесь, в подземелье, сокрыты алмазные россыпи; она подползла поближе к источнику мерцающего света и увидела, что

это светлячки, фосфоресцирующие букашки, облепившие какую-то штуковину правильной кубической формы.

Кубик?

Она протянула руку вперед — светлячки разом погасли и пропали. Жюли не могла полагаться на свое зрение в непроглядном мраке. Она ощупала кубик со всех сторон, призвав на помощь всю силу своего осязания. Что-то гладкое. Твердое. Холодное. Но точно не камень и не обломок скалы. Вот ручка, замок... штукovina явно сработана человеческими руками.

Квадратный чемоданчик.

Из последних сил девушка наконец выбралась из туннеля. И где-то наверху расслышала радостный собачий лай и поняла — отец все же нашел ее. Он был там, вместе с Ахиллом, и слабым, отдаленным голосом звал:

— Жюли, дочка, ты где? Ответь, пожалуйста, подай знак!

5. ЗНАК

Он мотает головой, очерчивая в воздухе треугольник. Тополиный листок рвется. Старый рыжий муравей подхватывает под деревом другой листок и вгрызается в него, не слюнявя его и не дожидаясь, когда тот превратится в сброшенную кашу. Хоть и невкусно, зато питательно. Как бы то ни было, муравей не больно жалуется тополиные листья — больше предпочитает мясо, но, поскольку с тех пор как он сбежал, у него маковой росинки во рту не было, привередничать не приходилось.

Насытившись, муравей начинает чиститься. Когтистой лапкой он хватается свой длинный, прямой усик и нагибает его вперед, к губам. Потом обжимает его челюстями, впихивает себе в ротовой канал и обсасывает — как бы отмывает.

Намочив оба усика пенистой слюной, он лошит их щеточками, расположенными на передних лапках.

Следом за тем старый рыжий муравей начинает сгибаться и выгибаться до предела всеми своими сочленениями, соединяющими брюшко, грудь и шею. Потом когтистыми лапками он прочищает многочисленные фасетки своих глаз. У муравьев нет век, чтобы защищать и увлажнять глаза; к тому же, если бы муравьи не чистили без усталости глазные